

Варе тринадцать.
За последнее время она выросла на три дюйма, между ног уже темнеет пушок. Груды уместаются в ладонях, розовые соски — с мелкую монету. Волосы до пояса, русые — ничего общего ни с тёмным ёжиком Дэниэла, ни с лимонно-жёлтыми кудрями Саймона, ни с Кларинными медно-рыжими локонами. По утрам она заплетает их в две французские косы; приятно, когда они на ходу хлещут по спине лошадиными хвостами! Нос пуговкой — ни на чей в семье не похож, так она пока думает. К двадцати годам он вытянется, обретёт орлиную величавость — точь-в-точь как у мамы. Но до этого ещё далеко.

Они шагают по кварталу дружной четвёркой: Вара, старшая; одиннадцатилетний Дэниэл, девятилетняя Клара и семилетний Саймон. Дэниэл впереди, ведёт их с Клинтон-стрит на Деланси-стрит, потом налево, на Форсайт-стрит. Они огибают парк Сары Рузвельт, держась в тени деревьев. Вечерами в парке буянят, однако во вторник утром здесь почти никого, лишь кое-где молодые люди валяются лицом в траву, отсыпаясь после антивоенных акций.

По Эстер-стрит они идут молча. Надо скорей миновать отцовское ателье “Мастерская Голда”; отец, конечно, их вряд ли заметит — Шауль обычно с головой

погружен в работу, будто не брюки шьет, а вселенную творит, — и всё-таки он может разрушить очарование этого душного июльского дня, стать преградой на пути к зыбкой, призрачной цели, что маячит впереди на Эстер-стрит.

Саймон хоть и младший, но не отстаёт. На нём обрезанные джинсы, доставшиеся от брата; Дэниэлу в семь лет они были впору, а худенькому Саймону великоваты. В руке болтается сумка из китайки, затянутая шнурком, внутри шуршат банкноты да весело позвякивает мелочь.

— Где это? — спрашивает Саймон.

— Кажется, здесь, — говорит Дэниэл.

Они смотрят на старый дом, расчерченный зигзагами пожарных лестниц, на тёмные окна пятого этажа, за которыми, по слухам, обитает та, кого они ищут.

— Как туда попасть? — спрашивает Варя.

Дом почти такой же, как их собственный, только не коричневый, а бежевый, и этажей не семь, а пять.

— Давайте позвоним, что ли, — предлагает Дэниэл. — Пятый этаж.

— Ага, — кивает Клара. — А номер квартиры?

Дэниэл достаёт из заднего кармана скомканый магазинный чек. И краснеет.

— Не знаю точно.

— Дэниэл! — Варя, привалившись к стене, обмахивается: жара под тридцать градусов, лицо в испарине, влажная юбка липнет к ногам.

— Погодите, — просит Дэниэл, — дайте вспомнить.

Саймон садится прямо на асфальт, матерчатая сумка медузой плюхается между колен. Клара выуживает из

кармана ириску, но едва успеваает развернуть, как дверь подъезда распаивается и выходит парень в лиловых очках и распахнутой рубашке в “индийский огурец”.

Он кивает Голдам:

— Хотите зайти?

— Да, — отвечает Дэниэл. — Пошли.

И делает шаг вперед, благодарит парня в лиловых очках и, не дожидаясь, пока дверь захлопнется, первым заходит в подъезд, подавая пример остальным, — Дэниэл, их бесстрашный незадачливый вожак, он-то всё и затеял.

На прошлой неделе он зашёл к Шмульке Бернштейну в лавку кошерной китайской еды — захотелось горячего пирожка с заварным кремом, вкусного даже в жару — и услышал разговор двух мальчишек. Очередь длинная, вентиляторы на всю катушку — пришлось вытянуть шею, чтобы расслышать, что они говорили о постоялице с верхнего этажа дома на Эстер-стрит.

По дороге домой, на Клинтон-стрит, семьдесят два, сердце у Дэниэла подпрыгивало. В спальне Клара и Саймон играли на полу в “горки-лесенки”¹, Варя лежала с книгой у себя наверху. Зоя, чёрно-белая кошка, растянулась на батарее, нежась в солнечном квадрате.

Тут Дэниэл и выложил им свой план.

— Ничего не понимаю. — Варя упёрлась грязной подошвой в потолок. — Чем именно она всё-таки занимается?

1 Настольная игра с фишками и кубиком. — Здесь и далее примеч. перев.

— Я же говорил! — Дэниэл весь кипел. — У неё есть сверхсилы!

— Какие? — спросила Клара, передвигая фишку. Всю первую половину лета она разучивала карточный фокус “туз Гудини”, но получалось пока не ахти.

— Говорят, — объяснил Дэниэл, — она судьбу умеет предсказывать. Знает, что тебя ждёт — хорошая жизнь или плохая. И кое-что ещё. — Дэниэл наклонился вперёд, упершись обеими руками в дверной косяк. — Она знает, кто когда умрёт.

Клара встрепелулась.

— Ерунда! — фыркнула Варя. — Этого никто сказать не может.

— А если может? — не сдавался Дэниэл.

— Тогда я не хочу знать.

— Почему?

— Потому что. — Варя отложила книгу и села на кровати, свесив ноги. — А вдруг что-нибудь плохое скажут? Вдруг она скажет, что ты умрёшь маленьким?

— Тогда уж лучше знать, — решил Дэниэл. — Что бы все дела успеть доделать.

Все замолчали. И вдруг Саймон расхохотался, трепеща всем телом, как птичка. У Дэниэла вспыхнули щёки.

— Я не шучу, — сказал он. — Возьму да пойду. Ни дня больше не выдержу здесь, взаперти. С меня хватит. Кто, чёрт подери, со мной?

Может статься, вся затея кончилась бы ничем, не будь на дворе макушка лета — позади полтора месяца душной скуки, впереди ещё столько же. Кондиционеров в квартире нет, и вдобавок в тот год, 1969-й, им кажется, будто всё самое интересное в жизни проходит мимо. Другие упиваются в стельку в Вудстоке и горла-

нят “Волшебника пинбола”¹, смотрят “Полуночного ковбоя” — фильм, на который детей Голд не пускают. Они устраивают беспорядки в “Стоунволл-инн”², вышибают двери парковочными счётчиками, бьют стёкла, крушат музыкальные автоматы. Их убивают самыми изуверскими способами — взрывают, расстреливают очередями по пятьсот пятьдесят пуль, — а их лица тут же, с невыносимой быстротой, появляются в телевизоре на кухне у Голдов. “Сукины дети, по луне ходят!” — сказал Дэниэл (с недавних пор он щеголяет крепкими словечками, но лишь на безопасном расстоянии от матери). Джеймс Эрл Рей³ осуждён, Серхан Серхан⁴ тоже, а дети Голд знай себе играют в камушки и вышибалы, да метают дротики, да вытаскивают Зою из её нового дома в дымоходе за плитой.

И ещё кое-что создавало нужный для паломничества настрой: в то лето они были едины, как никогда уже не будут. На следующий год Варя поедет в Катскильские горы с подругой Авивой, Дэниэл приобщится

- 1 “Волшебник пинбола” (*Pinball Wizard*) — композиция группы *The Who* из рок-оперы “Томми”.
- 2 “Стоунволл-инн” (*Stonewall Inn*) — гей-бар на Кристофер-стрит в манхэттенском квартале Гринвич-Виллидж. В 1969 г. полицейская облава в “Стоунволл-инн” привела к первому крупному протестному выступлению геев, вошедшему в историю как “стоунволлские бунты”. В 2000 г. “Стоунволл-инн” объявлен национальным историческим памятником.
- 3 Джеймс Эрл Рей (1928–1998) — предполагаемый убийца Мартина Лютера Кинга. Был приговорён судом к 99 годам заключения.
- 4 Серхан Бишара Серхан (р. 1944) — палестинец, антисионист; согласно общепринятой версии, 5 июня 1968 г. застрелил Роберта Кеннеди, кандидата в президенты США. В 1969 г. был приговорён к смертной казни, впоследствии приговор был смягчён до пожизненного заключения.

к тайным ритуалам дворовых мальчишек, а Клара и Саймон останутся неприкаянными. А сейчас, летом 1969-го, они близки, и братство их нерушимо.

— Я с тобой, — вызвалась Клара.

— И я, — подал голос Саймон.

— А как к ней попасть? — спросила Варя. К тринадцати годам она успела усвоить, что даром ничего на свете не даётся. — Сколько она берёт?

Дэниэл нахмурился:

— Узнаю.

Так всё и началось — как тайна, как опасное предприятие, как предлог улизнуть от неповоротливой грузной матери, без конца что-то требовавшей, стоило ей застать их без дела в спальне, — то бельё развесить, то вытащить из трубы чёртову кошку. Дети Голд расспросили кого могли в округе. Хозяин магазинчика для фокусников в китайском квартале слышал о женщине с Эстер-стрит. Она кочует с места на место, объяснил он Кларе, колесит по стране, предсказывает людям судьбу. Когда Клара уже собралась уходить, он поднял палец, исчез в чулане и вернулся с увесистой “Книгой гаданий”. На обложке — шесть пар распахнутых глаз в окружении символов. Клара заплатила шестьдесят пять центов и с книгой в обнимку поспешила домой.

Кое-кто из соседей на Клинтон-стрит, семьдесят два, тоже слышал о гадалке. Миссис Блюменстайн встречалась с ней в пятидесятых, на роскошном приёме — так она сказала Саймону. Она вывела на парадное крыльцо своего шнауцера, и тот оставил катышек величинной с пилюлю на ступеньке, где сидел Саймон, а миссис Блюменстайн даже не потрудились убрать.